

Валерий Гуров

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г95

Серия «Попаданец»
Выпуск 181

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Гуров, Валерий

Г95 Чемпион. Начало положено: роман / Валерий Гуров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-165401-6

Нелепая смерть на ринге в шаге от подписания в лучшую бойцовскую лигу мира.

Тяжеловес с рекордом «17-0» попадает в тело школьника-толстяка Сашки Пельмененко по прозвищу Пельмень. Идет 1991 год, лето. Путь чемпиона начинается заново...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-165401-6

© Валерий Гуров, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Мне не до смеха. Куда приехал?
Отель, багаж, очки, аптека, вечером —
дискотека.

Ст с Костошкин

*Наши дни, номерной турнир популярного
промоушена ММА*

— Дамы и господа, бой по правилам смешанных единоборств, три раунда по пять минут. Пр-редставляю участников главного боя вечера!

Ринг-анонсер в пиджаке в цветочек расплылся из центра ринга. Слюни летят. Глаза навькат.

Вокруг перемещались десятки камер. В зале собралось тысячи зрителей.

— Встречайте, в кр-р-расном углу ринга!

Яркий свет прожекторов выхватил бойца крупным планом.

— Бойцу двадцать пять лет, рост — сто девяносто восемь сантиметров, вес — сто семь килограммов. Пр-р-етендент на титул с семнадцатью победами нокаутами в первом раунде. Попривет-

ствуем Але-е-ександр «Зверь из преисподней» Фе-е-едор-р-ров!

Александр шагнул вперед, коснулся своим кулаком кулака ринг-анонсера.

— Как дела, мужик?

— Заберу бой — и в UFC.

Александр вернулся в угол, разминая шею и ударяя перчатками.

Представили оппонента, боец из синего угла грозился постелить красную дорожку к титулу кровью своих противников.

— Бойцы на середину!

Рефери хлопнул в ладоши. Подошли в центр ринга. Соперник пожирает Сашу взглядом, показывает капу с надписью «Fuck».

Александр сосредоточенный. Он знает, что соперник откажется жать руку. Ждет гонга, чтобы его нокаутировать на первой минуте боя. Вот тогда и будет fuck. Мешок, че.

— Парни, вы — профессионалы. — Рефери поочередно смотрел на бойцов. — Внимательно слушаем мои команды, правила знаем и не нарушаем. Покажите красивый, а главное — честный бой! Руки пожали. По углам!

Раздался гонг. Руки жать не стали. А потом случилось жуткое. При первом резком движении Саша поскользнулся и потерял равновесие — конвас ринга плохо вытерли после крайней схватки легковесов.

Саша попятился, руки в стороны. Борода открыта. Туда и прилетело летящее колено, прямо-

хонько в орбитальную кость. Удар стокилограммовой горы мышц. Нокаут. Снесло, как грузовиком. Аля-улю. Яркий свет в конце тоннеля...

...Пространство кружилось и вертелось, тысячу раз перевернулось, а потом Сашу со всего маху впечатало в новую реальность.

Ощущение... Ну с чем сравнить... Будто кто-то подошел сзади ударил по самому болезненному месту.

Жмурится. Он больше не стоит на ринге, бой всей жизни закончен. Контракта с UFC не видать, как своих ушей.

Прислушивается. И слышит песню времен молодости его родителей: «Ю май хат, ю май соул...»

Английский Саша знает очень хорошо, много занимался, мечтал попасть на подкаст к Джо Рогану. Но сейчас текст песни сливается в набор едва понятных звуков, как будто все его знания — раз, и улетучились.

А потом пришло отчетливое понимание, что никакой он больше не Саша, ну по крайней мере не Александр Федоров. По велению судьбы после brutального нокаута его сознание переместилось в тело какого-то толстого паренька... Теперь он — ученик средней общеобразовательной школы некий Санька Пельмененко. Вроде как скромный и застенчивый парень, которому одноклассники дали обидное погоняло Пельмень. Разговаривает Пельмень тонюсеньким голосом, и это при ста тридцати килограммах веса. Правда, лиш-

него. И попал Александр Федоров, вернее теперь уже Сашка Пельмененко, прямиком на школьную дискотеку.

Идет 1991 год. Играет легендарный хит «Modern talking». А Пельменя прямо сейчас, как бы так выразиться, чтобы понятней, «напрягает» одноклассник как местную школьную «достопримечательность» и махрового лоха. Рома Прокофьев по прозвищу Глиста с «выдающейся» комплекцией, основанной на шестидесяти с хвостиком килограммах веса. Глиста натянул Пельменю трусы на уши перед девчонками.

Ну что ж... исходные данные более чем понятны.

Глава 1

А при коммунизме все будет за***сь,
Он наступит скоро — надо только подождать,
Там все будет бесплатно, там все будет в кайф,
Там, наверное, ваще не надо будет умирать.

Гр жд нск я оборон

— Слышь, Пельмень, деньги гони!

Рома Глиста ужом извивался вокруг Саши, не зная, как бы еще его того поддеть. И трусы натянул, и по щеке ладонью похлопал, и в живот пальцем потыкал, за жиры помял.

— Нахожу бабло — в лицо бью? — не успокаивался Глиста.

Бессмертный, походу. Саня с ноги на ногу переступил, осваиваясь. Шею размял.

За разговором наблюдали три зачетные самочки-одноклассницы, стоят чуть в сторонке. И Пельмень смутно припомнил, что одна из красавиц, Светка Кулакова, нравилась ему (теперь уже ЕМУ) с начальных классов. Так вот, Светка с тремя подругами курили и поглядывали за кипежом.

Ромка встретил Сашу у входа на дискотеку, отвел за угол в «курилку» под локоток и, как обычно, вытряхивал с одноклассника бабла «на пивко». Все полагали, что Пельмень привычно помычит, а потом вывернет карманы. Ну а Ромка купит на честный заработок бухлишка, наптит Светку с подругами и попытается кому-нибудь всунуть. Смутно припомнилось: ходили слухи, будто Глиста первым из пацанов «влез на бабу» еще летом между седьмым и восьмым классами. И сделала «сосамбу» ему как раз Светка.

Так вот. Черт с ней, с девственностью Глисты, но описываемый расклад по миграции бабла из кармана в карман устраивал стороны. Пельмень отдавал деньги, ту часть, по крайней мере, которую откладывал в карманы брюк (некоторую сумму, как припоминал Саша, бывший хозяин этого тела прятал себе в трусы между булками толстой жопы). Ромка и девчонки получали копеечку, которая никогда не бывает лишней. А потом все расходилось, ну в смысле до встречи в следующий раз. Но надо ли говорить, что такой расклад не устраивал профессионального бойца «Зверя из преисподней»? Александр Федоров, теперь уже Пельмень, в прошлой жизни не привыкший, чтобы с ним разговаривали в таком духе, принял единственно возможное решение.

В бороду Ромке Глисту полетел левый боковой. Ну типа правый коронный, левый похоронный, как говаривали бойцы. Что что-то пошло не так,

Пельмень понял сразу. Это был и не удар вовсе, а так, непонятное что-то, за время которого Александр в прежнем теле успел бы отжаться с десятков раз...

Ромка Глиста легко увернулся от удара. Саня запоздало припомнил по прежней памяти: Глиста-то боксер, разрядник по юношам.

— Кия!

Вот это вот «кия» — это был звук, с которым нога Глиста, обутая в сандалий с твердой подошвой, проткнула огромное и рыхлое пузо Пельменя. Пробить «броню» удар не пробил, но попал прямо в солнышко.

Содрогнулись жиры. И в следующий миг огромная 130-килограммовая туша безобидного мальчика осела на пятую точку, хватая ртом воздух.

Глиста прыгал перед ним в челноке.

— Вставай, че, вставай, я тебе пропишу!

Саша видел удар этого придурка, и будь он в своей прежней кондиции, то сто раз успел бы от него уклониться. Потом схватить Ромку за ногу, скрутить в бараний рог, а сандалию запихать Глисте в жопу в профилактических целях. Однако от прежней формы не осталось и следа. Этот мальчик, огромный и неповоротливый, вряд ли мог ходить без одышки, какое там уклониться от удара.

Прочувствовав тычок Ромки всеми своими легкими, Пельмень сидел на жопе и хватал ртом воздух с широко выпученными глазами. От сво-

ей беспомощности Пельмень малость обалдел. На глаза навернулись слезы. И в любое другое время мальчик бы наверняка расплакался. Но теперь Пельмень ни за что не мог позволить себе детскую блажь и, стиснув зубы, начал активно шевелить носом, сдерживая слезы. Еще чего не хватало! Его порой на спаррингах так в настил втыкали местные «хабибы», что мама не горюй. И ничего. А тут...

Манипуляции живо отразились на его лице, которое и так выглядело глуповато. И, блин, так некстати одна из монет, надежно (как казалось) вставленная в Сашину жопу, вывалилась и выкатилась из штанины.

Глиста поднял монетку, но тут же выронил, почувствовав навязчивый запах дерьма.

— Фу, блин, Пельмененко, ты че, ее засунул себе в задницу?! — Ромка брезгливо вытер руку о землю.

— На пиво тебе берег... — прошипел Пельмень.

Девчонки озорно хихикали: у лошка голосок прорезался. Но ради галочки таки пожурили Глисту.

— Рома, не трожь Сашеньку, — всплеснула руками Светка и потушила свой окурочок, выкуренный до фильтра. — Пойдем.

«Света, блин», — подумал Пельмень.

Рома, впрочем, трогать никого не собирался. Прыгать в челноке перестал. Подначивать — тоже. Видать, сам малость струхнул, что после

удара у толстяка глаза вылезли на лоб и началось кислородное голодание. Но по карманам своими шаловливыми ручками прошелся, как будто так и надо. Монету, вывалившуюся из штанины, подышать не стал.

Пельмень сидел, держась руками за грудь и сипло дыша, когда компашка ушла из «курилки». Потрескивал уличный фонарь. «Modern talking» в актовом зале сменил «Ласковый май».

Детство, детство, ты куда бежишь,
Детство, детство, ты куда спешишь,
Не наигрался я еще с тобой,
Детство, детство, ты куда, постой.

Зашибись, че. Саша заставил себя подняться на корточки, сделал несколько резких выдохов, пытаюсь восстановить дыхание. Почувствовал, как неприятно прилипли трусы к булкам... Этого только не хватало. Быть избитым под Шатунова на школьной дискотеке дистрофиком, да еще и обделаться... Фигово началась жизнь в новом теле, что еще сказать.

В этот момент из-за угла школы вывернули сразу две фигуры. Одна принадлежала однокласснице Пельменя — Зое Калашниковой. Заучка и ботанша, почему-то ходившая в мужских туфлях на два размера больше ее ноги и в дурацком берете, который становился еще более дурацким, когда она надевала свои очки с линзами в палец толщиной. Вторая фигура принадлежала заву-

чу по воспитательной работе Тамаре Константиновне, которую Зоя вела к «месту преступления» едва ли не за руку и не силком. Завуч была молодой женщиной, с хорошей такой грудью, пусть не упругой, но крепкого третьего размера и жопой на отлет. Правда, эти несомненные таланты частично скрывались под невнятным серым костюмом советского покроя.

— Прокофьев избил Пельмененко, Тамара Константиновна, — отчеканила заучка. — Мы должны немедленно позвонить в милицию! Что это за человек такой нехороший!

Тамара Константиновна подошла к Пельменю.

— Саша, как ты себя чувствуешь? — Она наклонилась над ним и внимательно осмотрела. — Зоя говорит правду? Тебя побил Прокофьев?

Саша, хоть еще и не пришел в себя, воспользовался этой возможностью, чтобы разглядеть «холмики» завуча поближе, и пришел к выводу, что первоначальная его оценка в корне неверна. Тут полноценный четвертый размер. Сиськи отлетные.

Сглотнул. Облизнул губы. И поднялся от греха подальше, отряхивая зад от уличной пыли. Перепачкался, зато сзади не видно размытое коричневое пятнышко в межбулочном пространстве. Майка вздыбилась до пупка, живот торчит, бока выпирают.

— Упал, Тамара Константиновна. Никто меня не бил. — Понятно, что выдавать Глисту, а тем более стучать ментам, не стоило. С Прокофьевым

они еще разберутся чуточку позже. Всему свое время.

— Упал? — уточнила завуч с недоверием в голосе.

— Агась.

— И что тебя ноги не держат?

— Тамара Константиновна, я видела, как Рома ударил его ногой в живот, — затарахтела Зоя. — Пельмененко, не надо его тут выгораживать. Понял меня?

— Так... — Завуч скрестила руки на груди. — Ну-ка, иди сюда. Упал он... А ну дыхни!

— Тамара Константиновна, ну хорош...

— Дыхни, кому говорю!

Пельмень дыхнул — всем своим луко-чесночным смрадом (прежний Пельмененко отчего-то не считал нужным чистить зубы и жрал все подряд), чем слегка сбил завуча с толку.

— Понятно, — сказала Тамара Константиновна. — Ты выпил! И чесноком думал заесть. А у меня нюх на это дело!

— Ну выпил чуток, — лениво признался Сашка, смутно припомнив, что Пельмененко действительно накатил для смелости крышечку самогонки из отцовского серванта. — Че не так-то? Вам не налил?

Кстати, помимо алкоголя Пельмень прежний баловался сигаретками и на дискотеку стащил у бати из пачки пару сигарок — «Наша марка». Обе сигаретки сейчас валялись на земле, удивительно, что Тамара Константиновна не заметила и Глиста не